

Я — постмодернист

В Москве, в Центральном доме художника, прошла персональная выставка вологоджанина Михаила Копьева. На ней было представлено около семидесяти работ.

Наш корреспондент попросил Михаила Копьева ответить на несколько вопросов.

— Скажите, Михаил, что значит для вас эта выставка? И можно ли определить, какова ее главная тема?

— Это — самая полная, самая важная для меня выставка. И не только потому, что она столичная. В любом смысле для меня она этапна.

А как определить, что в ней главное? Признаюсь, меня очень интересует тема странствий, отшельничества. Во время путешествий на природе, в заповедниках все социальное в человеке становится относительным. В нем просыпаются другая память, другой мир, человек задается временными вопросами. Временное для меня и есть главная тема.

Как христианин я считаю, что нового в мире ничего не происходит. Что было, то и будет. И художник должен увидеть в проходящем вечное, Божий промысел, подтверждение высшей природы этого мира даже в его падшем состоянии.

— Михаил, вы вероятно, не случайно стали вологжанином! Чем стала для вас Вологда?

— Я родился и складывался как художник в Уфе. Мое становление происходило в среде чудаков и оригиналлов, в мире искусства. Но когда я приехал в Вологду, увидел ее небо, ее вуру, то понял, что связан со всем этим судьбой, связан духовно. И здесь началась для меня новая страница в моем творчестве. И че этой выставке — работы, созданные в Вологде.

— Ныне вы возглавляете Вологодскую организацию художников, являетесь ее председателем. Но до сих пор традиционно нашу организа-

цию возглавляли те мастера, кто считал себя реалистами.

— Я считаю себя постмодернистом. Мои учителя в живописи — Матисс, Сезанн и наш гигант Суриков, с моей точки зрения, не вполне еще оцененный. Но выражают себя прежде всего в реалистической манере.

Что касается Вологодской организации, то я ее считаю уникальной, очень творческой, самобытной. Моя цель — сохранить все ее традиции, все ценное, что было создано, и вместе с тем способствовать ее обогащению тем, что в ней еще не имело места.

— В вашей живописи много театрального. Для вас «весь мир — театр»?

— Это так. Ведь в свое время я был приглашен в Вологду театральным режиссером В. Бароновым.

Для меня мир полон театральных условностей, все превращается в ритуал. Возьмем, к примеру, трагическую тему сталинских репрессий. В них много зловещей театральности. А взять октябрьские события прошлого года. Погибли люди. А вроде бы и ничего и не было. Была зловещая игра. А смерть — настоящая.

В своих работах я нередко прибегаю к философствующей клоунаде, чтобы обнажить сущность происходящего, посмеяться над тем, что кажется столь глубокомысленно, а достойно осмеяния.

— И потому вы все же оптимист? И ваша московская выставка доказывает это?

— Я не мечтатель и не знаю, насколько прочно наше сущее. Но верю, что мы живем в потрясающе талантливой стране. И не надо бояться говорить правду о нашем сегодняшнем трагичном положении. Я смотрю на Россию оптимистически: она, как дерево, вьюсь растет.

А теперь — «взгляд со сто-

роны». Каково мнение о выставке вологодского искусствоведа Елены Савиной, которая присутствовала при ее открытии? Как, по ее мнению, восприняли выставку московские зрители?

— Творчество Михаила Копьева воспринимается неоднозначно. Но оно неизменно вызывает диалог со зрителем. Для меня был весьма характерен такой пример: незадолго до открытия к нам, вологжанам, подошла группа москвичей. Оказывается, они попали на выставку еще до ее официального открытия, случайно. Уже хотели уходить из ЦДХ, не найдя здесь ничего особенного для себя, и, «заблудившись», первыми, раньше всех «забрели» в залы, где размещены работы Копьева. По их словам, долго не могли уйти и пришли сказать слова благодарности автору за те раздумья и чувства, которые вызвала выставка. И это показательно.

— Что, на ваш взгляд, показала эта выставка?

— Михаил Копьев, по моему мнению, художник особенно нужный нашему кризисному времени. Он обращается к духовным ипостасям, философским категориям, библейским темам, давая всему свою трактовку. Герои его работ — Сергей Радонежский, Велимир Хлебников, Игорь Северянин и самые обычные люди — всегда в духовном поиске, в пути. Его взрослые непосредственны, как дети, а дети мудры, как взрослые.

По своей технике он виртуозный рисовальщик, рисует по памяти, вместе с тем у него — огромная сила воображения, интеллектуальность, его линия — сама мысль. И он тоже, подобно своим героям, еще в пути.

На снимках: М. Копьев, «Портрет Ю. К. в предполагаемых обстоятельствах», «Игорь Северянин».

Фоторепродукции Дмитрия ЧЕСНОКОВА.